

Недоразумение. Первое, что пришло в голову, было — «недоразумение». Худой. Белобрысая голова, водянисто-голубые глаза с бесцветными ресницами. Челка закрывает один глаз. Весь какой-то нелепый. До обидного не похож на двоюродную сестру. Наверное, похож на ее доктора наук. Виталика, кажется.

Рейс Новосибирск — Санкт-Петербург задержали на полтора часа. Пришлось сидеть в кафе и отвечать на письма с телефона. Не самое любимое занятие — писать рублеными фразами и бороться с автозаменами. Потом планерка по скайпу с коллегами в офисе, после нее — опять письма. Когда пальцы устали, встала из-за стола и прошлась по магазинчикам в аэропорту. В сувенирной лавке, яркой от матрешек и хохломы, раздалось объявление: рейс из Новосибирска благополучно приземлился. Постепенно из зала прилета вышли все новосибирцы, но Кирилла все не было. Вышли пассажиры следующего рейса, из Пхукета, — загорелые и счастливые. Вышли сдержанные и хорошо одетые пассажиры из Мюнхена.

В здании терминала наступило затишье. Я стояла в одиночестве перед дверьми зала прилета. Спустила еще час, после двадцать третьего звонка по номеру,

данному мне сестрой, двери беззвучно разъехались и появился Кирилл — худой и белобрысый, нескладный. Недоразумение.

— Здравствуй ...те, ты... вы — Евгения?

— Ты.

— Ты.

— Да, Евгения. Можно Женя. Это все твои вещи? — уточнила я, заглядывая ему за спину — там болтался полупустой рюкзак.

— Все. То есть не все. Еще чемодан, но его потеряли. Сказали подойти к стойке потерянного багажа.

Мы подошли к окошку, где молодой человек в синей униформе долго щелкал клавишами, потом сообщил, что чемодан уехал в Стамбул и чтобы мы заехали за ним послезавтра. Племяш заметно приуныл.

— В Стамбуле красиво, — ободряюще улыбнулась я.

Красота Стамбула Кирилла не утешила.

— В чемодане были очень нужные вещи?

— Зубная щетка, футболки, ноутбук... — начал перечислять он.

— Зубную щетку выдам. Без футболок и ноута можно пережить пару дней, — сказала я с нажимом — нужно было срочно возвращаться в город.

Аргумент (или нажим?) подействовал. Мы пошли к парковке, где стояла моя машина. Он заглянул в салон через окно — на заднем сиденье возвышалось детское кресло.

— Мне на заднее сиденье?

— Тебе что, два года?

— Э-э-э... нет, четырнадцать.

— Тогда на переднее.

Он уселся спереди, пристегнулся и вытянул ноги.

— Покатили. — Я нажала на кнопку зажигания. Очнулось и заиграло рок-радио.

Кирилл уважительно трогал кнопки на панели управления.

— Где раздельное регулирование кондиционера? Я читал, в крутых тачках такое есть.

Пришлось признать, что моя тачка не настолько крута. И на выезде заплатить штраф за превышение лимита парковки.

Петербург, особенно при свете дня, снимает все печали. Широкий Московский проспект, Лиговка. Солнце обычно не балует гостей города, но Кириллу повезло. Горячий воздух бил по нашим лицам из открытых передних окон и со свистом вылетал через задние.

Мы полчаса кружили по Виленскому и улице Радищева, искали парковку, пока наконец не втиснулись между красной «тойотой» и «девяткой» со спущенными шинами. Места было мало, Кириллу пришлось выйти и помогать мне.

— Туда немного, теперь сюда, — направлял он меня жестами. И еще три раза покрутил кистью влево.

Вылитый петербуржец — зауженные джинсы и синяки под глазами. Надеюсь, хоть не вегетарианец, а то целый месяц в моем доме не протянет.

Минут через десять зашли в квартиру. Кирилл всему удивлялся — и отдельному входу, и необычной планировке.

— Это бывший доходный дом, переделанный в большую коммуналку, а потом — в обычные квартиры. Вот тут, например, был камин. — Я кивнула на углубление в стене прихожей, которое занимала обувница.

Племянник с почтением погладил ее.

Но мне было уже не до светских разговоров.

— Вот твоё полотенце, вот твоё... — Я искала в шкафу ванной. — Зубная щетка, новая. Какая-то еда есть в холодильнике. Пароль от вайфая — семь девяток и восемь. Я буду к шести, пока.

— Пока, — ответил Кирилл, не поднимая головы. Он вводил в телефон пароль от вайфая.

В офисе удалось пробыть всего час. День был безнадежно упущен.

— Ох уж это недоразумение, — бормотала я себе под нос, забегая в ворота детского сада.

В полседьмого мы с дочкой пришли домой. Кирилл спал на диване в гостиной. Вокруг лежали упаковки от печенья и конфет, пара грязных тарелок. Удружила сестрица, что и говорить.

Нина подошла к троюродному брату и смачно шлепнула его рукой по лбу. Кирилл подскочил, озираясь.

Дочка заглянула ему в глаза:

— Дядя, ты кто?

Вечером он перемыл всю посуду и прибрался в гостиную.

— Где я буду спать?

— Заселяйся в гостиную на весь месяц.

Гостиная с огромной плазмой и приставкой явно пришлась ему по душе. Покопавшись в шкафах, я дала ему постельное белье.

— А подушка?

— С ними напряженка. Хотя... вроде осталась одна старая. Поищи в верхнем ящике шкафа.

Кирилл забрался на табуретку, открыл ящик, нашел подушку и потянул на себя. Оттуда вместе с ней вывалились листы бумаги и разлетелись по всей комнате. Я и забыла, что положила их повыше, чтобы Нина не достала. Кирилл спрыгнул с табуретки и принялся собирать листы.

— «Разлагающийся труп», — прочитал он и рассмеялся. — Что это? Та самая рукопись?

— Угу, она, — ответила я.

— Что это будет? Роман? — не отставал Кирилл и прочитал еще одно название: — «Мортал комбат». Я в нее играл.

— Пока не знаю. Пишу рассказы. Дальше — как получится. Тебе мама сказала, что?..

— Что надо будет почитать и сказать свое мнение? Ага! — с задором ответил он. — О чем они?

Я вздохнула:

— Они о моем детстве в Кокчетаве в девяностые.

Ни «Кокчетав», ни «девяностые» Кириллу, судя по всему, ни о чем не говорили.

— Начну с «Трупа».

— Нет-нет. Они идут в хронологическом порядке, по мере взросления главной героини.

— То есть тебя?

— Отчасти. Собирательный образ.

Несколько минут мы складывали рукопись по порядку. Наверх легла титульная страница.

Кирилл перевернул ее и пробормотал:

— «Снежная буря».

Снежная буря

Взволнованный папа вышел из ванной: лицо в пене, на одной щеке — аккуратная дорожка от бритвы. Бритву он держал в руке, с нее стекали на ковер пенные капли.

— Слышите? Вы слышите?

— Что? — не поняли мы с мамой.

Конец декабря 1991 года. Школьные каникулы. В зале стоит наряженная сосна под потолок. Обычное утро: папа бреется, мама варит кашу, я сижу с книжкой, громко говорит радио.

— Союз развалили!

В мае девяносто первого прошел слух, что в Кокчетав приедет Горбачёв. Новость нас взбудоражила: как же, сам президент!

Я оканчивала первый класс. Впереди было лето в деревне.

— Женя, знаешь, Горбачёв приезжает? — спрашивали меня со всех сторон.

Я обожала Горбачёва, и это было всем известно. Будь я постарше, надо мной бы жестоко смеялись. Но мне было всего семь, и надо мной добро подтрунивали.

Сейчас точно не скажу, что было причиной моей любви к президенту СССР, ибо в семь лет выбор

объекта любви причудлив. Скорее всего, дело было в том, что Горбачёва ругали все вокруг. Ругали родители и родня, ругали бабушки на скамейке у подъезда, ругали в очереди за продуктами. Даже учителя и те отзывались о Горбачёве сдержанно. Мне, с врожденным чувством справедливости, было обидно за старика — так я это себе объясняю. Я не пропускала ни одного его выступления по телевизору и очень переживала из-за пятна.

— Мама, почему он не замажет тональным кремом, как ты?

Мама не могла объяснить.

— Тогда почему не пересадят на лоб новую кожу?

— Пожалуюсь Горбачёву! — возмущалась я по поводу дополнительных уроков математики.

— Может, сразу в суд по правам человека? — очень серьезно спрашивал папа.

— Сначала Горбачёву, потом в суд, — подумав секунду, отвечала я.

В середине мая в газете официально объявили, что визит состоится двадцать восьмого числа.

— Приезжает на открытие «Синегорья», представляешь? — возмущенно говорил папа, потрясая газетой.

«Синегорьем» назывался новый развлекательный комплекс с невиданным раньше нашей провинцией боулингом.

— Будто других проблем нет, — устало отвечала мама, разуваясь.

Мы с ней только что отстояли два часа в очереди за курами в мясном отделе. Грустные птичьи тушки закончились прямо перед нами.

— Будет встреча с ним на площади, — продолжал папа.

— Ух ты! Пойдем? — приставала я.

— Пишут, что площадь перекроют и выставят там зрительные места. Куда пойдем-то? Рабочий день.

Я не могла поверить — я не увижу Горбачёва?

— По телевизору каждый день показывают, — успокаивала мама.

— Мне надо живого, а не по телевизору! — заревела я.

— Может, вдвоем сходите? — предлагал папа.

— Толпа будет. Задавят, — отвечала мама.

Я показушно-настойчиво ревела еще неделю, но мама была непреклонна.

Спасение пришло с неожиданной стороны — из танцевального кружка. Два раза в неделю я ходила в Дом культуры на занятия по танцам. На одном из занятий в зал заглянула директор ДК и поманила к себе преподавателя.

— Продолжайте, — сказала нам Василиса Ивановна через плечо и вышла, отбивая такт ладонями.

Из-за незапертой двери доносился ее голос:

— Старшие на гастролях... Таких маленьких... Показать нечего... Какие «Снежинки» летом?..

Директор тихо отвечала что-то успокаивающе-завораживающее, и Василиса Ивановна сдалась.

Через минуту она вернулась и похлопала в ладоши, привлекая наше внимание. Брякнула последними аккордами на пианино бабушка-аккомпаниаторша в черном.

— Дети! Вы, наверное, знаете, через неделю в Кокчетав приезжает президент Союза Советских

Социалистических Республик Михаил Сергеевич Горбачёв.

Мы с азартом закивали.

— Нашей группе поручили встретить президента танцем. С завтрашнего дня будем репетировать каждый день.

Следующую неделю мы провели в душном зале ДК, тысячу раз повторяя свой незамысловатый танец. Нас отпускали только в школу, а после выдачи табелей успеваемости пришлось репетировать целыми днями. Родители возмущались, но послушно носили нам обеды — супы и котлеты с гречкой, уложенные в стеклянные банки и замотанные для тепла полотенцем.

Конец мая был привычно нежарким и ветреным. Ветер носил белый пух, приятно щекотавший лицо. Лесопосадки за городом и посадки в Кокчетаве были почти сплошь тополиные. Они защищали поля и город от жестокого степного ветра. Пуха созревало столько, что он лежал в городе сугробами. Мы кидали в «сугробы» спички. Чей прогорит дольше всех, тот и выиграл. Огонь ярко пылал в «сугробах» высотой до колена и стыдливо расходился-догорал маленьким пламенем по пушку, прилипшему к земле.

За день до приезда Горбачёва на центральной площади устроили генеральную репетицию.

Празднично принаряженная к визиту площадь с пока еще стоявшим Лениным суетилась милиционерами, военным оркестром, белыми нашивками спортивной секции. Стояли курсанты пожарной школы. Стояли неровными шеренгами не привыкшие к торжествам группки передовиков-колхозников

и творческой интеллигенции. Оркестр репетировал бойкий марш.

— Жанар, Жа-на-ар, куда ты идешь? — кричала со сцены ведущая. — Иди направо вместе со всеми!

Жанар послушно разворачивалась.

— Право в другой стороне, — устало говорила в микрофон Галина Сергеевна. — Чё встали, курсанты, выходим сразу за оркестром. Выходим за оркестром, говорю! — срывалась она на грозный крик.

— Девочки, пошли-пошли-пошли, — смягчаясь, потому что самые маленькие, говорила она нам.

Мы, одетые невесомыми снежинками, должны были приветствовать президента сразу по его прибытии на площадь. Неровный кружок, взмахи белыми лентами.

— Какие еще «Снежинки»? — возмущенно говорила ведущая Василисе Ивановне. — Лето на дворе!

Василиса Ивановна покорно объясняла, что новогодний номер — единственное, что успели подготовить.

— Хм, — хмурилась ведущая, придирчиво оглядывая нас, — тогда уж «Пушинки». И музыку замените на летнюю. — И она отворачивалась и яростно переругивалась с директором спорткомплекса, который хотел, чтобы спортсмены прошли перед курсантами или сразу после них, а недесятыми, как сейчас.

Галина Сергеевна, высокая морщинистая тетка, пугала нас своим напором. Она была полной противоположностью учительницы танцев. Под ее криками все бестолково толкались и делали еще больше ошибок.

— Так, повторяю еще раз, — объясняла она со сцены. — Подъезжает машина, выходит Михал

Сергеич — сразу Снежинки, то есть, тьфу, Пушкинки пошли. Пушкинки прошли — выходит оркестр. Потом курсанты со знаменем. После курсантов — речь президента. Потом... — Дальше для меня все сливалось в неразборчивые звуки. Самое главное было — я увижу Михал Сергеича одной из первых.

Пушкинки бегали неровным кружком, подскакивали, взмахивая белыми лентами, привязанными к обоим запястьям. На головах — невесомые короны из проволоки, опутанные ватой. Родители бережно чинили короны перед выступлением — заматывали прохудившиеся участки ватой и скрепляли поверх клеем или клейстером.

— Девочки, закончили — и разбегаемся: десять — направо, десять — налево. — Василиса Ивановна проводила рукой, разделяя наш кружок на две части. — Оттуда на трибуны к родителям, — в двадцатый раз повторяла она.

Родителям были выделены места во втором ряду трибун, выставленных на противоположной стороне площади. Мы не выступали раньше нигде, кроме сцены нашего ДК, а там все было понятно — в конце новогоднего номера Снежинки просто упархивали за кулисы.

Утро 28 мая 1991 года было солнечным. Даже воздух был каким-то искристым в день приезда Михаила Сергеевича.

Мы торчали на площади с утра — был финальный прогон представления, потом ждали в боевой готовности пару часов, пока не объявили, что президент задержится еще на час. Нестройные ряды участников приветственного парада стали бесповоротно

нестройными. Курсанты пожарной школы смешались с девчонками из медучилища. Пушинки ныли и бегали к родителям за бутербродами и чаем из термоса.

Когда ватные короны на наших головах поникли, а кудри развились и мы, почесываясь и смахивая с лица тополиный пух, сидели на ступеньках сцены, с микрофоном в руках выбежала Галина Сергеевна:

— Так! Готовность две минуты, едут! Пушинки готовы! — утверждающе-устрашающе закричала она, и под ее взглядом мы вспорхнули и встали идеальным кружком. — Оркестр готов! — Военный оркестр вытянулся в струнку. — Курсанты готовы! — Курсанты поправляли фуражки и застегивали кители. — Где знамя? Знамя, спрашиваю, где?! — От аллейки парка бежал курсантик, державший наперевес, как бревно, свернутое знамя. — У, бестолочи, — бормотала она, сурово осматривая площадь: готовы ли остальные участники парада?

На проспекте, пересекавшем площадь, появилась черная машина. Снежинки-пушинки замерли с поднятыми руками в фигуре танца. Черная машина приближалась в подозрительном одиночестве.

— Три-четыре, начали! — гаркнула в микрофон Галина Сергеевна.

Огромные колонки трескуче заиграли «Лето» Вивальди. Мы отсчитали «тридцать» от начала и подпрыгнули вверх, взмахнув руками, — ленты взлетели высоко-высоко, — потом прошли пять кругов по часовой стрелке, делая волны руками, чтобы ленты колыхались, и вернулись на исходную позицию. По правде сказать, необходимости в волнах уже

не было — поднявшийся ветер колыхал ленты так, как ему было угодно, рвал белые юбки и кидал волосы в лицо. Тополиный пух уже не щекотал, а бился об оголенные руки и ноги.

Я щурилась и старалась не отставать от Пушкинки впереди меня, одним глазом посматривая на остановившуюся машину. Из нее вышел человек и побежал к сцене.

Галина Сергеевна растерянно смотрела на него. Было понятно, что никакой это не Горбачёв. Мы остановились и ждали команды. Василиса Ивановна маячила из-за сцены: «Продолжайте, продолжайте!» Мы продолжили, сталкиваясь и теряя короны. Увидев, что мы остановились, с другого конца площади выдвинулись курсанты. Они дошагали до нас, но мы продолжали кружиться и подпрыгивать.

— Куда? Рано! — кричала Галина Сергеевна, но из-за ветра и пуха, как снег неистово кружащегося по площади, никто не понимал, кому она кричит.

Мы как одержимые скакали кто во что горазд, хотя с другой стороны нас уже поджимал подошедший не вовремя, тоже ослепленный пухом, военный оркестр.

— А вы куда? — орала Галина Сергеевна. — Обратно, всем — обратно!

Курсанты и оркестранты растерянно двинулись обратно. Кое-кто из Пушинок осмелел и побежал к трибунам, откуда уже рвались к нам родители, но их не пускали милиционеры.

— Сначала, сначала! — командовала Галина Сергеевна, закрывая одной рукой лицо.

Оставшиеся Пушинки сбились в кучу и бестолково топтались на месте.

Ветер, казалось, поднял весь пух в городе. Он сбивал с ног.

— Уводите детей! — крикнула Галина Сергеевна. — Начинаем с оркестра через две минуты. — В пуховом буране, закрывшем небо и землю, она как-то разглядела приближающиеся автомобили Михаила Сергеича, на этот раз настоящие.

У меня остановилось сердце.

Пушинки, получив освобождение, упорхнули кто к трибунам, кто к Василисе Ивановне за сцену.

Но я не могла уйти. Я должна была дождаться Михаила Сергеича. Можно было спрятаться за колонкой, я и отправилась туда, но ветер взвыл на площади, понимая невиданное количество пуха, и окончательно меня ослепил. В белом мареве доносились визгливые трубы оркестра. Пух, смешанный со слезами, закрыл от меня площадь, президента, курсантов, крикливую ведущую — не осталось ничего, кроме ветра и пуха.

Нужно было бежать к трибунам, где меня ждала мама, но я уже не понимала, в какую сторону нужно бежать.

Никто не заметил девочку в белом, мечущуюся по площади в снежном шторме.

Наконец я увидела спасительный силуэт трибун. Какие-то люди помогли мне взобраться повыше. Площади отсюда было почти не видно. Неровными рядами ходили участники парада — музыки не было слышно из-за ветра. И где-то там, за снежной стеной, остался невидимым Михаил Сергеевич.

Полгода спустя папа, выйдя из ванной, сказал нам, что Союз развалили и что мы живем теперь в другой стране. Мама готовила кашу. Кипел чайник. Мыльная пена капала на ковер. Мы молчали и не знали, что сказать.

— Пена на ковер капает, — заметила мама.

Папа ушел добриваться.

Газеты еще несколько дней разгневанно писали о «недопустимо плохой организации встречи президента» и о том, что пора принять меры по поводу тополей. Со следующего лета тополя стали обрезать и вырубать.

В танцевальный кружок я больше не ходила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru